

Цикл «Лабиринт Ехо»

Чужак
Волонтеры Вечности
Простые волшебные вещи
Темная сторона
Наваждения
Власть несбывшегося
Болтливый мертвец
Лабиринт Мёнина

Цикл «Хроники Ехо»

Чуб земли
Властелин Морморы
Неуловимый Хабба Хэн
Ворона на мосту
Горе господина Гро
Обжора-Хохотун
Дар Шаванахолы
Тубурская игра

Цикл «Сновидения Ехо»

Мастер ветров и закатов
Слишком много кошмаров
Вся правда о нас
Я иду искать
Сундук мертвеца
Отдай мое сердце
Мертвый ноль

三〇三
Λο#vsspea
spea三三

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 **Мертвый ноль / Макс Фрай.** — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Сновидения Ехо).

ISBN 978-5-17-108973-3

Мертвый ноль — это такой специальный заколдованный ноль, к которому ничего нельзя прибавить. Ни на каких условиях. Никогда. Квинтэссенция небытия.

Эта книга была написана для того, чтобы уменьшить количество мертвых нулей во Вселенной. Ну и по ходу дела мы, как это обычно случается, несколько увлеклись, погорячились, можно сказать, перестарались. Поэтому мертвых нулей во Вселенной не осталось совсем. Но вряд ли о них кто-то заплачет. Не надо нам здесь этого вашего глупого небытия.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-108973-3

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Все началось с того, что мне на голову свалилась принцесса. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Увесистая и довольно твердая принцесса рухнула с неба прямо на мою голову и заодно на всего остального меня — вот как следовало бы начать рассказывать эту историю, взывая к сочувствию при помощи наглядной демонстрации оставленных падшей принцессой синяков.

Но я честный человек. И не могу игнорировать тот факт, что на самом деле история началась задолго до падения принцессы. С того, что в мою гостиную вполз гений. Не вошел, а именно вполз.

Гений был пьян до изумления, по крайней мере, до моего. Настолько убедительно пьяным я видел величайшего архитектора современности только однажды, примерно год назад. Причем в тот раз его напоил я сам — исключительно в интересах следствия. Я тогда подозревал, что он ужасный злодей. Потом оказалось, просто вдохновенный художник, так что переводить на него выпивку совершенно бессмысленно. Я больше и не стал. Но в этот вечер Малдо Йоз справился своими силами.

Гений тем и отличается от нормального человека, что делает все не когда попало, а вовремя, в самый подходящий для соответствующего поступка момент. Или уж настолько невовремя, что волосы дыбом. Малдо выбрал второй вариант. Если бы он предварительно спросил меня,

когда именно ему следует вползти в мою гостиную в съехавшей на одно ухо шляпе, невразумительно мыча нечто среднее между «спасите-помогите» и «я — самый главный властелин Мира», я бы ответил: когда заблагорассудится, только, пожалуйста, не прямо сейчас.

Но он, увы, не спросил. И нарушил размеренное течение уютного домашнего вечера, который обещал стать первым по-настоящему спокойным отрезком времени между закатом и полночью если не за всю мою жизнь, то уж точно за последний год. Но так и не стал.

А ведь как хорошо поначалу складывалось. Студенты, которые теперь по милости Базилио вечно у нас толпами околачиваются, выпросили у собак, вернее, у порядком уставшего корчить из себя донельзя важного профессора Дримарондо разрешение с ними погулять; что касается добряка Друппи, его долго уговаривать не надо, только дверь открой. Сама Базилио с ними не пошла, она с обеда чахла над какой-то особо коварной задачей из числа тех, что леди Тайяра предусмотрительно оставляет своей не в меру способной ученице перед тем, как сбежать на свидание. Поэтому сэр Умара Камалкони, Старший Помощник Придворного Профессора овеществленных иллюзий, внезапно, без предупреждения, решивший навестить Базилио, порядком заскучал.

Базилио очень переживала, что не уделяет внимания гостю, то и дело обещала: «Сейчас я закончу, сейчас-сейчас», но ни решить задачу, ни бросить ее на середине не могла, так что мне пришлось спуститься с небес на землю, в смысле, из кабинета в гостиную и разложить на столе доску для игры в «Злик-и-Злак», благо наш гость до нее большой охотник. Ну и мне эта заморская игра пока не настолько надоела, чтобы сбежать из дома всякий раз, когда кто-нибудь предлагает сыграть несколько партий. Хотя, боюсь, к тому понемногу идет. Это моя вечная проблема: как только я достигаю достаточно высокого уровня мастерства в каком-нибудь деле, оно мне тут же надоеда-

ет. Счастье еще, что в магии, сколько столетий на нее ни угрожай, все равно останешься новичком, который только-только начинает всерьез учиться, и самое интересное пока впереди. Настольные игры, даже самые заковыристые, такой особенностью, к сожалению, не обладают.

За почти год регулярной практики я убедился, что играть в «Злик-и-Злак» компанией гораздо интересней, чем вдвоем: чем больше игроков, тем больше неожиданных поворотов и непредсказуемых препятствий возникает на пути твоих фишек. Даже втроем уже совсем другое дело.

Нам повезло, третий игрок у нас был.

Третий игрок влетел в окно перед самым началом партии, мгновенно оценил обстановку и взвился над столом аккуратным вежливым смерчем, требуя: «Выдайте фишки и мне!» Ветрам обычно непросто объясняться с людьми: они нас прекрасно понимают, а мы их — не очень, элементарные вещи приходится по сто раз объяснять, стараясь не шваркнуть сгоряча об стенку так называемый венец творения, не способный поддержать даже самый примитивный бытовой диалог. Но к счастью, с языком этого ветра я более-менее освоился, все-таки он регулярно навещает меня с начала осени. А он за это время, помимо прочего, успел выучить правила игры «Злик-и-Злак» и наловчиться не только аккуратно подбрасывать кубики, но и передвигать свои фишки по полю, не сбрасывая чужие; для человека это дело нехитрое, а для ветра — совершенно виртуозный трюк.

Таким образом, из ветра получился вполне приличный игрок. Хотя хорошим стратегом его все-таки не назовешь. Да и тактик из него, прямо скажем, не очень. Ветры вообще слишком бесхитростны и прямодушны для наших человеческих игр.

Зато он везучий. И вносит в течение игры гораздо больше непредсказуемости, чем целая дюжина обычных игроков.

...В общем, мы с ветром и Старшим Помощником Придворного Профессора условно азартно резались в «Злик-и-Злак»; то есть я — условно, поскольку старался незаметно поддаваться своим противникам, чтобы им было не слишком обидно, их-то разбирал настоящий азарт. Базилию убедилась, что ее гость приятно проводит время, и с новыми силами вгрызлась в свою задачку. Армстронг и Элла лежали у ее ног и уважительно тихо мурлыкали, почти не привлекая к себе внимания. Студенты с собаками продолжали удаляться от Мохнатого Дома со скоростью примерно полторы мили в час, потому что постоянно отвлекались на всякие глупости, ради которых, собственно, и затеваются прогулки, иначе зачем бы они были нужны. Леди Тайяра, по моим прикидкам, вряд ли собиралась возвращаться домой до послезавтрашнего утра, она человек основательный: если уж ушла на свидание, так будь любезна, сосредоточься на этом занятии, чего попусту бегать туда-сюда. Все остальные действующие лица мистической трагикомедии, которая считается моей жизнью, занимались какими-то своими делами, и хоть бы одна зараза прислала мне зов: «Я без тебя пропадаю!» С одной стороны, я был за них рад, а с другой, немного растерян. Просто отвык от идеи, что без меня вполне можно какое-то время не пропадать.

Если называть вещи своими именами, настолько скучно, как в этот вечер, мне не было с начала осени, когда я проводил отпуск в тюрьме Холоми с целью как следует выспаться. Ни до, ни, тем более, после мне вообще ни насколько не было скучно, ни единой минуты, и теперь я наслаждался этим экзотическим ощущением, как сладким дымом куманских притонов. И пока ничего не хотел менять.

Но кто ж меня спрашивал. Развлечение уже стояло на моем пороге, обеими руками держась за стену. Но все равно потихоньку сползло на пол. Во всяком случае, в гостиную мой друг Малдо Йоз ввалился уже на четвереньках. Удивительно, что его знаменитая шляпа, почти

точная копия Королевской, при этом прекрасно держалась на голове. Приклеивает он ее, что ли? Или специальное заклинание в архивах отыскал?

Я вообще забыл, что с людьми такое порой случается: когда на вечеринках тебе окружают почти исключительно опытные маги, у которых на всякую рюмку полторы дюжины протрезвляющих приемов и заклинаний, как-то упускаешь из виду, что человек в сущности слаб.

Поэтому в первый момент я всерьез испугался: решил, что Малдо чуть ли не при смерти. Приготовился метнуть в него Смертный шар, приказать немедленно исцелиться, а уже потом разбираться, что с ним случилось. Но тут до моего носа наконец добрался запах адского перегара. И сразу расставил все по местам.

Обнаружив, что спасать никого не надо, я сразу же рассердился. Вот не было печали. Возись теперь с этим красавцем, протрезвляй, приводи его в чувство, ругай, потом извиняйся за резкость, расспрашивай, что случилось, выслушивай, стараясь не перебивать бестактными репликами: «Из-за такой ерунды?!» А ведь так славно сидели, как приличные люди, мирно развлекаясь занимательной настольной игрой.

Впрочем, мои гости только обрадовались новой вводной. Ветер тут же бросил фишки и метнулся к Малдо. Его можно понять: для ветра смешаться с запахом перегара — все равно, что для нас выпить рюмку-другую чего-нибудь крепкого. Причем от специально вылитого в таз, или просто на пол вина никакого проку, нужный эффект дает только дыхание пьяного человека, это мы с ним однажды выяснили экспериментальным путем и больше к вопросу не возвращались; я только сейчас сообразил, что, наверное, зря. Боюсь, по-настоящему гостеприимным хозяином мне никогда не стать.

А Старший Помощник Придворного Профессора Умара Камалкони понимающе усмехнулся в седые усы и шепнул мне:

— Не сердитесь на него, сэра Макс. Краем уха я слышал, что нынче днем сэра Малдо был приглашен в замок Рулх и получил некий личный Королевский заказ, да такой непростой, что на его месте, я бы и сам, пожалуй, лишился душевного равновесия.

Чрезвычайно интересная информация. Особенно если учесть, что под ничем не примечательной личиной пожилого помощника Придворного Профессора скрывается Его Величество Гуриг Восьмой. Сэр Умара Камалкони — просто Королевский карнавальный костюм, специально предназначенный для тайной дружбы с Базилио и больше ни для чего. В ту пору наша Базилио еще была ужасающим василиском, и всем, включая Его Величество, ужасно хотелось на это чудище поглазеть. Король, большой любитель переодеваний и анонимных прогулок по своей столице, тут же придумал повод для визита и соответствующую ему роль: Старший Помощник Придворного Профессора Овеществленных Иллюзий явился по поручению начальства исследовать новоявленное волшебное существо. Однако они с Базилио неожиданно крепко сдружились на почве совместного решения головоломок, и с тех пор Король регулярно нас навещает под видом старичка-придворного. Эта маска замене не подлежит: Базилио считает, что прекрасней Старшего Помощника Придворного Профессора нет в Мире существа. А на настоящие портреты Короля, молодого и обескураживающе красивого, взирает равнодушно: ну да, Король. Великий человек, это понятно. А все равно господин помощник Придворного Профессора в сто раз красивей! Вот и поди пойми этих чудовищ, даже когда они бывшие. Впрочем, с обычными юными барышнями, я слышал, достичь взаимопонимания ничуть не проще. Особенно в вопросах сердечных привязанностей. Иными словами, они вечно влюбляются черт знает в кого.

Базилио так привязалась к старичку придворному, что, даже обретя человеческий облик, согласилась перед

каждым его визитом заново превращаться в кошмарную химеру, чтобы специалист по овеществленным иллюзиям, мог продолжать исследования. Хотя свою первоначальную форму Базилио ненавидит всем сердцем, и ее несложно понять. К счастью, потом они каким-то образом договорились, что превращаться больше не обязательно. Не знаю в точности, что за аргументы сочинил Король; скорее всего, просто сказал, что начальство велело ему приступить к тщательному всестороннему изучению нового человеческого облика загадочного чудовища. Базилио после этого на радостях проплясала полдня.

Но все это на самом деле неважно. Я только хотел дополнительно подчеркнуть, что Малдо действительно гений: мало кому из художников удается столь наглядно продемонстрировать высокопоставленному заказчику свое смятение, творческие муки, внутренний конфликт и все остальное, что по умолчанию прилагается к сложной художественной натуре. Это я и называю — делать все вовремя. Не знал, не догадывался, даже в шутку предположить не смог бы, что по вечерам в моей гостиной иногда можно застать Короля, да и пришел сюда явно не по осознанному решению, а повинувшись капризу сбрендившего автопилота, но все равно — в самый подходящий момент.

Я сразу подумал: как же удачно получилось, что Его Величество пострадал от собственных действий, в смысле от последствий своего непростого заказа. И мне теперь не надо извиняться за прискорбное состояние гостя и объяснять, что на самом деле у нас тут пока еще не притон вроде «Джубатыкского фонтана». По крайней мере, не настолько притон, как может показаться, когда люди — ладно, допустим, всего один человек — ползает на четвереньках и невнятно мычит, а ветры — ладно, всего один ветер — как бы ласково его обвевает, а на самом деле цинично пользуясь случаем, закладывает за воротник.

Впрочем, в невнятном мычании бедняги Малдо мне в конце концов удалось разобрать несколько слов: «халиф»,

«дворец» и «полный конец обеда»; причем последнее в столь разнообразных вариациях, что хоть записывай — редкая возможность за один вечер собрать уникальную коллекцию синонимов слова «трындец». Сюда бы сэра Шурфа с тетрадкой для записей, но в это время суток мой друг обычно упивается абсолютной властью над Орденом Семилистника, вернее стоически терпит временную необходимость над ним абсолютно властвовать. И пропускает кучу всего интересного — вот как, например, сейчас.

— Тебя протрезвить, или просто уложить спать? — спросил я, склонившись над светильником современной архитектуры.

Не то чтобы я всерьез рассчитывал получить внятный ответ. Но должен был наглядно продемонстрировать, что по-прежнему уважаю чужую свободу воли — не ему, конечно, а самому себе. У меня с этим строго: не хочу превращаться в тирана. Остальные от этого ужаса как-нибудь на краю Мира спрячутся, а мне рядом с собой еще жить и жить.

Однако взор Малдо на миг прояснился, и он вполне членораздельно сказал:

— И то и другое, пожалуйста, — и не успел я обрадоваться налаженной коммуникации, добавил: — Полный стакан.

Разочарование мое было столь велико, что я мстительно спрятал его в пригоршню, предварительно уменьшив до практически полного исчезновения. Не то чтобы самое страшное наказание, трезвым людям эта процедура обычно скорее нравится, а пьяный просто ничего не поймет. Но Малдо такого обращения очень не любит. Богема богемой, а разделяет обывательские предрассудки, согласно которым старинный прием, придуманный для транспортировки мебели и других тяжелых грузов, почему-то считается оскорбительным для людей. Но тут он сам виноват: нашел к кому пьяным вламываться. По ряду причин

я уделяю недостаточно внимания регулярным занятиям тяжелой атлетикой, а потому на второй этаж, где расположено большинство пустующих спален, без применения магии могу отнести на руках разве что кота.

Пока я возился с нетрезвым гением, другой гений, в смысле Базилио, наконец-то решила свою задачку, с торжествующим воплем подбросила к потолку тетрадку и сказала своему гостю:

— Я так рада, что вы дождались! На самом деле я очень соскучилась. К тому же, третьего дня мне подарили настоящую тютюшихумскую головоломку. Я решила ее без вас даже не распечатывать и чуть не лопнула от любопытства. Хотите, откроем ее прямо сейчас? Она у меня в кабинете.

Будь я на месте Короля, я бы немедленно выскочил в окно и больше никогда не вернулся бы в дом, где мне предлагают такие ужасные вещи. Но морщинистое лицо Старшего Помощника Придворного Профессора расплылось в неподдельной улыбке, а глаза затуманились от предвкушения неземных наслаждений, которые испытывают настоящие интеллектуалы, столкнувшись с очередной непонятной хренью, способной свести с ума любого нормального человека. И даже некоторых ненормальных, вроде меня.

Базилио, конечно, очень меня подвела. Нет чтобы еще хотя бы четверть часа повозиться с этой грешной задачей! Я бы как раз успел подробно расспросить Короля про заказ, который довел беднягу Малдо до столь плачевного состояния. А теперь никаких шансов — при всех моих достоинствах, тютюшихумской головоломке я не конкурент.

«Сэр Малдо вам сам все расскажет, — утешил меня Король, направляясь к выходу из гостиной. — Извините, что столь поспешно вас покидаю. Но тютюшихумские головоломки действительно огромная редкость, леди Базилио не зря гордится новым приобретением, а време-

ни на это удовольствие у меня осталось — максимум полчаса».

Для объяснений он воспользовался Безмолвной речью, а вслух вежливо сказал:

— Спасибо за прекрасную игру.

— Это вам спасибо, — улыбнулся я, честно стараясь скрыть разочарование.

А ветер помахал им с Базилио на прощание огромным кеттарийским ковром, не поленившись ради красивого жеста поднять его с пола в воздух. А что стоявшие на ковре кресла при этом с грохотом разлетелись в разные стороны, с точки зрения ветра, невелика беда.

Впрочем, ковер он потом вернул на место. И кресла расставил заново, причем не как попало, а строго перпендикулярно столу, на одинаковом расстоянии друг от друга. Этот ветер принадлежит к редкой породе особо радикальных анархистов, которые разводят бардак исключительно ради удовольствия потом навести настолько полный порядок, что хоть на край света беги.

Но на край света побежал не я, а сам ветер. Вернее, полетел. И в общем правильно сделал. Нетрезвому ветру в человеческом жилище не место, он это и сам понимает. И нас от себя бережет.

В общем, все меня вероломно покинули, и я остался в гостиной один, с пьяным гением в кулаке. По уму, следовало бы отнести его в первую попавшуюся спальню и оставить в покое, пока не проспится. То есть, скорее всего, до завтра. Но я решил, что так не пойдет. Благо делать пьяных людей трезвыми я научился давным-давно; теперь уже и не помню, с какой стати мне тогда приспичило срочно освоить это злодейское искусство, на практике я его всего пару раз применял, только в самых исключительных случаях.

Поразмыслив, я решил, что нынешний случай и есть исключительный: если я прямо сейчас мученически лопну от любопытства, кучу народу подведу.

...Поэтому несколько минут спустя Малдо Йоз, основатель и глава сообщества Новых Древних архитекторов, возродивший и усовершенствовавший старинные техники магического строительства, осчастлививший кучу жителей Ехо отличными домами, а ценителей искусства — невиданным разнообразием форм этих самых домов, и сделавший столицу Соединенного Королевства центром паломничества любителей прекрасного, которые приезжают к нам даже с других континентов специально чтобы поглазеть на его Дворец Ста Чудес, сидел в моем кресле тихий, печальный, помятый, но уже на диво вмняемый, опустошивший примерно ведро воды, кружку камры и рюмку бодрящего бальзама Кахара, который способен поднять мертвеца из могилы. И Малдо худо-бедно из нее приподнял.

— Неприятная штука это твое протрезвляющее закливание, — наконец сказал Малдо. — Я дал себе честное слово, что до завтра не стану думать обо всем этом ужасе. И, надо сказать, преуспел, хотя до сих пор был уверен, что столько даже на спор не выпью. Но тут появился ты, и все пошло прахом. Вечно с тобой так.

— Справедливости ради, это не я появился, а ты, — заметил я. — Ты сам сюда пришел, добровольно, своими ногами. И заодно руками. И даже отчасти брюхом. Чем смог, тем и пришел. Но совершенно точно без посторонней помощи и приворотной магии, сам.

— Я даже понимаю почему, — вздохнул Малдо. — Очень хотел с тобой посоветоваться. Но не сегодня. Завтра с утра. Ну что ты на меня теперь зверем смотришь? С твоего утра, а не с общечеловеческого. Я себе не враг.

— Почему сразу «зверем»? Просто прикидываю, что за совет тебе от меня понадобился. И как-то не могу сообразить. Но если ты хотел спросить, можно ли отказаться от этого ужасного Королевского заказа без каких-либо неприятных последствий, у меня хорошая новость — мож-